

ДИСКРЕДИТАЦИЯ

Нана Гринштейн
Анастасия Патлай

Герои:

Любовь Андреевна Панкратова – профессор СахалинГУ, уволенная и осужденная за «дискредитацию» российской армии

Наталья – адвокат Любви Андреевны

Суд – доносчики, судья, университетские суки

Полина – журналистка, ученица Любви Андреевны

Пётр – фотограф, ученик Любви Андреевны

Александр – учитель, ученик Любви Андреевны

Лиза – учительница, ученица Любви Андреевны

Виктор – ученик Любви Андреевны, живет в Харькове

Лена – жена Виктора, живет в Харькове

Арина – уроженка Харькова, осужденная за “дискредитацию” российской армии за пикет в Камчатке, в настоящий момент живет в США

Шепот

Суд. Война – Женский род. Значение первое: Вооруженная борьба между государствами, народами, племенами и т.п. или общественными классами внутри государства

Кровь – Женский род. Значение второе: Переносное разговорное: Убийство

Убийство – Средний род. Значение первое: Процесс действия по глаголу “убивать”.
Значение второе. Результат такого действия; насильственное лишение жизни

Изгнание – Значение первое: Процесс действия по глаголу “изгнать”. Значение второе:
Результат такого действия

Изгонять – Значение первое: Заставлять уйти; выгонять, прогонять. Значение второе:
Вынуждать покинуть родину, оставить дом. Значение третье: С боем вытеснять противника с занятой территории

Мирный – Значение первое: Не военный. Значение второе: Не принимающий непосредственного участия в военных действиях (о гражданском населении)

Таким образом, в Спорных Текстах с 1 по 6 имеются высказывания, содержащие утверждение о разрушении Вооруженными силами российской федерации городов на территории Украины, а также убийство ими мирных граждан. Ссылки на какой-либо источник информации отсутствуют.

Любовь Андреевна. Я пережила в этот период, знаете, как бы присутствие на собственных похоронах. Знаете, люди никогда не знают, что о них скажут. Вот над гробом, потому что они это не услышат. А я услышала. Я услышала, кто промолчал. Я услышала, кто проклял и отказался. Две подруги близкие порвали со мной отношения. А теперь я повторяю, что я не вижу за собой какого-то преступления, за которое можно разорвать отношения, особенно с двумя из них, с которыми довольно длительные, многолетние были отношения. Ну, вспомнила Ренату Литвинову - что смысл жизни найти своих и успокоиться. Вот. Так что, наверное, не свои были. Даже при условии сорокалетней дружбы. Вот. И поэтому я стала думать о том, что, может быть, это не случайно дано и, может быть, со знаком плюс, а не минус. Может быть, это было мне дано для того, чтобы я, ну, скажем так, утвердилось в каких-то мыслях, что-то проверила. Сколько мне студентов написали - у меня пухла почта. Я сначала собирала, потом уже прекратила собирать. Вот почему я говорю, что я пережила похороны при жизни? Потому что обычно такое говорят, только когда человек уходит: какой Вы были преподаватель, сколько Вы в нас вложили, как мы Вас любили, какой Вы, и так далее, и так далее. И вот это, конечно, меня очень растрогало всё, очень многое. И нынешние студенты, и выпускники, и приезжали домой, деньги привозили. И я говорю, "ребята, вы меня до слез доводите". Один наш бывший студент хотел кафедру как-то нашу расшевелить по этому поводу, даже написал такой пост "Каин, где брат твой Авель?", вот эту короткую очень заметку, говорил: "Кафедра русского языка, не понимаете ли вы, кто вы, Каин или Авель? Вы каины".

Я только хотела бы вот что спросить. Я-то остаюсь здесь, и я хотела бы просто немножко тоже себя обезопасить. Насколько это может, ну, мою жизнь изменить? Я прошу просто как бы меня защитить как-то, защитить. Что это будет и насколько это будет?.. Потому что я не хочу никуда уезжать, потому что мне уже этот следователь, который со мной беседовал, сказал, что если Вы будете продолжать свою антигосударственную деятельность, мы будем вас привлекать к уголовной ответственности. Вы не боитесь, что вот эта ситуация меня накроет?

Шепот. Спала я з мамою, удвох* на кровати. И серйд ночи прасыпаюся, у кровати стаит дедушка, среднево роста такый, нэ высокый, волос белый, борода, такый красывый дедушка, на мэнэ глазами смотрэ, ну вэсэло, нэ так, што тамочко* грубо*, а вэсэло, но ничего мэнэ ни казав. Я испугалася и зразу тик раз у подушку. Накрылась та пид маму ж лизу, ховаюсь, думаю и маму хочу разбудыть. А мама сплять, хоть бы што. Я лэжала, лэжала, пидэймаюся обратно, а вин стоит. И у кимнате, там, так свет, так и полумрачный такый, нэ яркий такый, а свет гарит. Подывылася и в другой раз, стаить. Я упеть упала у подушкэ, та маму хочу разбудыть, не, захропыть. Я полэжала, полэжала, пидэймаюся у третий, стаит, и так же дывыться на мэнэ, а я на ёго. И це ж нэ сон, нэ сныться, як я звоими глазами бачу ёго, и нэ сонная ни яка. Подывылася, опьеть я упала на подушкы пид маму. У четверти раз пидэймаюся, у кимнате тэмно, нэма свету ни якого, и дедушки нэма, и мамо проснулася. Я маме кажу: «Вы знаете, шо около нас булу, а нэ шо? Шо за дид, кажу, коло нас стаял, о такый и такый» – рассказую як. Она: «А шо ж ты мэнэ нэ разбудыла?» Я кажу:

«Вас иж товхала*, будыла, а Вы нэ просыпалысь» – «Ааа, ну, значит, то нэ от мэнэ видение, то тоби... предвидение» Так значит...

Записано с. Клименково, Ровеньского р-на, Сахалинской обл. от Удодовой Анны Марковны 1925 г.р. АКТЛФ

Суд. Ректору НИУ СахалинГУ. Добрый день. Поздравляю Вас с Днем Победы! Я, Бугаёв Анатолий Анатольевич, действующих военнослужащий, подполковник Вооруженных Сил Российской Федерации. Прошу Вас обратить внимание на вашу сотрудницу Панкратову Любовь Андреевну. Ваша сотрудница в социальной сети ВКонтакте позволяет себе распространять фейковые новости и свои комментарии в отношении действий сотрудников МВД и политики нашего с вами государства. При этом называет Россию «изгоем» и «агрессором»... Все ее комментарии сохранены и в случае необходимости могут быть предоставлены. Прошу Вас оперативно отреагировать на мое обращение и провести разъяснительную беседу с гражданкой Панкратовой Л.А., ведь она ведет образовательную деятельность и вкладывает в юные умы знания, при этом позволяет себе высказываться подобным образом (скриншоты переписки прилагаются).

Наталья. Реальный ли этот человек или это человек из органов, который отслеживает комментарии? Мы до сих пор не знаем, анонимка, она ушла сразу же в Министерство образования и губернатору. "Разберитесь с преподавателем, она недостойна звания преподавателя, чтобы в это время преподаватель высказывал такое мнение, она не патриотична".

Они сразу же, - там выходили праздники как раз майские, и пришла эта анонимка, - и из уже Министерства образования сахалинского они спустили в институт. Институт, ничего не сообщая Любовь Андреевне, они просто обратились в органы ФСБ и МВД. Откуда они получили ответ, что состава никакого нет.

Далее в институте они нашли какого-то преподавателя философии, который после ответа из МВД, этот преподаватель философии провел какой-то свой, я даже не знаю, как это назвать.

Суд. Заключение о результатах проведения служебной проверки.

НИУ СахалинГУ.

Согласно результатов проведенного исследования (от 12.05.2022 № ИП-1110-37) Шилишпанов Р.В. пришел к следующим выводам с позиции историко-философской квалификации и поставленных перед специалистом вопроса «содержатся ли в представленных материалах сведения, в которых отражены признаки экстремистской или террористической деятельности?»:

- представляется возможным говорить о том, что в материале – в файле «Панкратова_не могу молчать» содержатся сведения, в которых усматриваются механизмы возбуждения социальной или национальной розни посредством унижения национального достоинства.

Кроме, того в исследуемом материале – файле «Панкратова_не могу молчать» содержится неаргументированная оценочная информация, которая может являться прямым

нарушением статьи 207.3 Уголовного Кодекса РФ. Этот факт требует проведения отдельной комплексной историко-лингвистической экспертизы.

Также в исследуемом материале – в файле «Панкратова_не могу молчать» и в файле «Любовь_Панкратова.png» содержится неаргументированная оценочная информация, которая может являться прямым нарушением статьи 20.3.3. КОАП РФ или статьи 280.3 УК РФ.

Надпись на полях – «Нет ответа с ФСБ и МВД».

Любовь Андреевна. Я выставила "Не могу молчать" вот в первые дни начала войны. Но я его послала его в вотсапе, у нас есть профессиональная группа, ну наша, я имею в виду кафедральная. Мне заведующая цыкнула, и сказала, что не надо таких вещей писать, это ваша личная позиция. Я ее убрала. Я выставила ее ВКонтакте, но вечером мне опять был звонок и сказали: "уберите, потому что вы компрометируете не себя, а ВУЗ". Ну, я убрала. Вот. И это было где-то буквально в начале марта.

Александр. Из дневника. 15 марта 2022, семьдесят четвертый день года. Вторник

Двадцатый день войны на Украине.

Уроков всего четыре, но впереди классный час. Утром хорошенечко к нему подготовился. Понял, что говорить, зачем, в какой последовательности. Сначала показал детям фрагмент «обебелые» из фильма «Я и другие». Потом рассказал о гуманизме, о Франкле (кто-то даже знает его), показал фрагмент передачи с Ильей Яшиным, где он говорит, что нужно сравнивать несколько источников, чтобы понять картинку, показал и фрагмент с Овсянниковой, который пробрался на центральное телевидение. Наконец, дал какие-то рекомендации – что почитать, что послушать. Потом ответил на четыре вопроса: о том, трусит ли «Новая», если не пишет о войне и затирает слова; могут ли работники школ и институтов идти против государства, на которое работает, которое платит ему деньги; стоит ли ждать какого-то принуждения для выражения поддержки войны...

Полина. Я, мне казалось, была осторожной. Во-первых, я часть каких-то текстов писала под псевдонимом, часть других я как-то старалась подбирать слова, не называть, в общем, войну войной, если это не в цитатах. Потом я, наверное, вообще расслабилась, меня никто не трогает. Я стала фиксить для иностранных журналистов, французских и так далее. То есть они приезжали в регион писать репортажи, им всегда нужен был какой-то человек, который бы их сопровождал, чтобы они никуда не влезли, ни на что не нарвались, и с кем-то сводить, с кем-то знакомить. И за нами следили ФСБшники все эти разы, но они нас не трогали. И я сильно не напрягалась. А потом, это было 25 июля, наш главный редактор позвонил мне и сказал - давай быстренько, уезжай, там уже по тебе идет проверка, а возможно, даже дело. И я на следующий день была в другой стране.

Журналистов, которые работали в Сахалине, таких независимых, честных, хороших, как я и мои друзья, и коллеги, их там уже совсем мало осталось. Кому-то пришлось уехать, кого-то выдавили, кого-то выгнали с работы. И люди, которые в принципе, всегда считались неудачниками в профессии, они сейчас стали подниматься. Они разместили все "зиги" у себя и, в общем, стали занимать должности там. Допустим, один мой бывший одноклассник сейчас председатель Союза журналистов регионального, и там просто стыд, что он

творит... Моя преподавательница... Я училась на филологическом факультете в Сахалинском вузе. Может быть, вы слышали эту историю? Ее недавно уволили из вуза за то, что она против войны писала там что-то ВКонтакте, ее уволили по статье об аморальном проступке. И плюс еще осудили, оштрафовали по статье о дискредитации армии. А она моя преподавательница, и она профессорка. Я позвонила ей сразу же, мы с ней поговорили. Ну, просто поговорили без интервью, без всего. И мы, наверное, разговаривали часа... ну, час, наверное, говорили по телефону. Потом я пришла к ней на суд. Два раза я приходила. Чтобы ее просто поддержать. Ну встретила там Петю, которого тоже давно не видела. Петя был, Лиза Воронина и Александр Потапенко, он тоже ее студент бывший. Он работает учителем в школе, преподает русский язык и литературу, кстати тоже очень классный учитель и классный парень. Ему тяжело очень сейчас в этой системе. Он кстати повесил там у себя в школе, в классе плакат. Там написано, то ли "Нет войне", то ли еще что-то. Его там постоянно сдирают ученики, он вешает обратно. Как он еще там работает? Как он жив? И потом я сделала с Любовью Андреевной интервью, в котором она очень подробно рассказала, как ее прессовали ее коллеги. На вот этих всех парткомах, будем так называть, и собраниях. И это все мои любимые преподаватели, которые, я не знаю там, научили читать там антиутопии и все прочее. И это очень страшно, как они поднимались, что они говорили.

Лиза. Как-то не знаю, началось какое-то в голове такое деление: вот эти за войну, эти против войны; вот этот преподаватель - почему он молчит, почему он ничего не говорит; этот там выставил букву Z, этот не выставил букву Z. То есть, я не знаю, как-то, ну, видимо, в человеке есть какое-то первичное "свои - не свои", вот у меня началось какое-то это глупое деление на своих и чужих. И тогда Любовь Андреевна писала ВКонтакте много, не в комментариях в каких-то группах, вот за которые, собственно, вот суд и был, а ну просто на своей странице что-то она выставляла о том, что что-то ужасное происходит. И я тоже выставляла, ну, более мягко, чем Любовь Андреевна, но тем не менее, и получается, что мы просто знали, что у нас одинаковая позиция. И Любовь Андреевна жила очень недалеко от моего общежития, там буквально две минуты пешком, и мы иногда виделись, вот просто, мы виделись на улице, иногда какое-нибудь хорошее стихотворение увидишь там, скинешь Любовь Андреевне, она там какую-то видеозапись, то есть мы общались по поводу всего того, что происходит. И когда-то в мае месяце, еще не было ни увольнений, еще не было ни дела, мы с ней встретились, да, и она сказала, что её, не знаю, как правильно сказать, там "травят на кафедре", то есть что начались какие-то разбирательства на кафедре. Что было их внутрикафедральное какое-то собрание, где мои другие преподаватели рассказывали Любовь Андреевне как надо Родину любить.

Пётр. Она всегда куда-то торопилась, она куда то спешила, такой возвышенный, легкий человек. Может быть, немножко странный человек. Я бы сказал, что я заметил, что странный, не тогда, а вот сейчас. Ну, она, она просто добрый человек. А любой добрый человек кажется странным сейчас, потому что это сейчас большая редкость. И вот просто я ее не видел все это время после того, как окончил институт, в общем, как-то я закончил, я оттуда ушел, она осталась там, у каждого своя дорога, и каждый продолжает жить по-своему. Она преподает, я дурью маюсь, работаю, детей воспитываю. Ну, обычная жизнь. Вот почему мы с ней сейчас встретились - потому что для меня это было, это было шоком, когда я прочитал в новостях, что вот собираются наказать Любовь Андреевну. Когда я прочитал, за что ее собираются наказать - еще больший шок. А когда я начал немножко во все это углубляться, узнавать, что там да как там произошло, какие последствия, то, что ее

уволители, то, что устроили в университете над ней судилище на факультете. Это было не то, что шок, это... Это еще больше я погрузился в весь этот сюрреализм, который нас окружает.

Виктор. Я из Камчатки, Сахалинская область, я там родился, жил, учился, потом в армию ушел, а после армии я в Харькове поступил в институт и здесь так и остался. Я в школе был не отличник, хорошист. Ну и не зубрил, ну как сказать? Ну, обычно, нормально учился. Вот она была самая любимая, да? Она к нам пришла после трех лет практики в институте. И она была у нас до девятого класса. Любовь Андреевна, чувствовалось по ней, что она... ее уровень высокий. Для нас она очень много значила в школе. Вот даже не могу объяснить, не было панибратства с ее стороны, не было какого-то там заигрывания с нами, ничего этого не было. Мы, она для нас была вот моральный авторитет вот все эти годы. Я не могу не назвать ни одного какого-то, я не знаю, момента, где я б вот мог в какой-то разочароваться в ней, вообще ни разу. И вот после школы просто мы с ней всегда переписывались всегда, как она, где она, чем занималась. Мы, конечно, мы были в шоке, когда ее уволили. Если таких преподавателей увольняют, то кто остается тогда, в конце концов? Кто, кто, если не она? Такие, как она, они должны поднимать Россию, учить патриотизму, как она меня научила вот патриотизму. Я до последнего ж, я любил родину, я... Я бы сказал бы так. Вот такие как она должны быть. Мы были в шоке. Я просто. Но я это ожидал, потому что я знаю, кто такой у власти. И чего от него ждать. Тем более я историю люблю. Знаю, как это было раньше, и всё на круги своя, преследования, достойных увольняют. Ну, как говорят, время подлецов, да? Вот сейчас вот, сейчас время подлецов. Меня люди разочаровали очень сильно, не Путин. Я знал цену Путину, я знал, подлец, он поступает как подлец, а люди нет. Я разочаровался.

Лена. Я вам хочу сказать, что сейчас такое настроение. Ну, вот с кем мы общаемся, конечно, не у всех. Есть единицы, которые мечтают, что все закончится, вот скорее поехать там на кладбище к родственникам. А в основном сейчас у всех такое настроение: вот война закончится и построить там пять метров стену, чтобы никогда не видеть и не слышать.

Виктор. Или вырыть Марианскую впадину.

Лена. Вот такое состояние, что стену и не видеть и не слышать.

Виктор. Я бы сказал бы так. Для меня мир бы рухнул, да, вот тот, родительский, если бы Любовь Андреевна была бы другая. Вот реально рухнул бы.

Александр. Вот получилось так, что накануне вот того, как я узнал об этом, обо всем, да? Меня пригласили на такую лекцию, на лекторий по современному русскому языку, и там была была моя преподавательница вуза и еще там один учитель, коллега, скажем так, из школы. Мы так побеседовали, в том числе побеседовали о войне, так поговорили обо всем, да, что и как. И на следующий день я узнал, что с Любовью Андреевной это произошло на факультете. И узнал я, по-моему, из чьего-то звонка, если не ошибаюсь, мне кто-то позвонил. И меня это так подбросило. И я себе сам задал вопрос, а почему об этом мы не поговорили? То есть наверняка коллеги знали, они вместе работают. Почему мы говорили обо всем, о чем угодно, в том числе о ситуации с войной, о том, что как бы вот тут вот уезжать - не уезжать. А почему об этом ни слова не было сказано? Наверное, было либо стыдно, либо почему-то по каким-то причинам это вообще, так сказать, ну, как бы не

значимое событие оказалось. Хотя я не скажу, что коллеги такие прямо равнодушные, такие-сякие. Понимаете, меня, конечно, это все подбросило. Я хотел звонить и писать и стыдить их всех. Но потом понял, что, ну, как-то, наверное, не очень хорошо это делать. Хотя вот, ну, как-то вот так. И я просто понял одну вещь, что мне нужно ехать к Любовь Андреевне, всё.

Наталья. Я юрист, волонтер ОВД-Инфо. Я участвую во всех акциях, во всех штабах ОВД-Инфо. И мы как юристы, если, допустим, по местности появляются какие-то дела. То есть мы беремся за эти дела. У нас Сахалин особо не сказать такой город протестный. И если какие-то протесты проходили, и так как я имею юридическое образование, мне нужно было помогать людям, и было очень много протестных акций, и я решила, что я могу быть полезным таким человеком. И вот стала помогать. Вот Любовь Андреевна, это вот это практически разрушенная жизнь. Также, если посмотреть, она жила этим столько лет, это ее жизнь, это стала ее жизнь. И человека взяли просто и разрушили жизнь, из ничего. То есть для меня как если брать с юридической точки зрения, она не сделала ничего.

Любовь Андреевна. То, что мне вменили, это было в начале апреля в комментариях. Есть такое сообщество "Шепот Камчатки", Камчатка - это город, в котором я родилась, это в Сахалинской области, это рядом, и, может его сейчас слышали, потому что он как раз самый у нас сейчас подверженный бомбардировкам, он находится в пяти-восьми километрах от границы. Мы раньше из Камчатки, когда я в нем жила и училась, мы пешком ходили в Волчанск, соседний райцентр украинский, за колбасой и маслом и так далее. Я хорошо это помню, эти пять-семь километров нетрудно было преодолеть. Так вот. И где-то в начале апреля появилась там... Это ВКонтакте, группа ВКонтакте. И там осуждали женщину, которая вышла на площадь Камчатки с плакатом "Нет войне".

Суд. 24.03.2022 г. в 13-ом часу ФИО8 находясь в общественном месте в районе <адрес>, публично демонстрировала плакат с надписью «Я за мир нет войне», чем дискредитировала использование Вооруженных Сил Российской Федерации в Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Виновность ФИО8 в совершении административного правонарушения, помимо её собственных показаний, подтверждаются рапортами должностных лиц, фотоматериалами, а также составленными в отношении ФИО8 процессуальными документами. Так, 24.03.2022 г. в 12 часов 35 минут и в 12 часов 40 минут в дежурную часть ОМВД России по Камчатскому городскому округу от не представившихся граждан поступили сообщения...

Руководствуясь ст. 29.10, 31.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях, суд постановил: ФИО8 признать виновной.

Любовь Андреевна. Ну и я прочитала кровожадные отзывы там, по поводу того, что "как она может", и там написано было, что она 10 лет тому назад приехала из Харькова, и она переживает о судьбе своего родного города. Ну и пошли ей упреки - "Вали в свой Харьков", ну непотребство всякое. И я вступилась.

Шепот. РЯТУВАТЬ – помогать, спасать («Рятуйте, люди добрые!»)

Любовь Андреевна. Будьте бдительны: на 1 Мая не вздумайте петь: «Пусть всегда будет солнце! Пусть всегда будет небо!», это прославление флага Украины, штрафов не огребетесь. «Миру – мир!» тоже опасно: подозревается, что где-то есть в***а, ой, простите, спецоперация!

Суд. Маскируемая лексема «в***а» восстанавливается из контекста как «война».

Любовь Андреевна. «Нет в***е!» однозначно нельзя, срок намотают. А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...

Суд. Елена Кравченко. Татьяна, вы учитель? ПАТРИОТИЗМУ НЕ НАУЧИТЕ ТОЧНО. ТАКАЯ КАША В ГОЛОВЕ У ВАС.

Любовь Андреевна. Елена, главное, что не борщ. Патриотизму не учат: патриотами становятся, когда есть чем гордиться. Мы гордились своей страной в 45-м, в 61-м, мы гордились нашими спортсменами, промышленностью. А теперь гордиться тем, что мы бомбим города, убиваем и выгоняем людей из их страны? За то, что цветущую страну превращаем в руины – только за то, что она не хочет жить, как мы, где за слово с точками штрафуют и сажают в тюрьму.

Суд. Референтная ситуация представлена в высказывании «За то, что цветущую страну превращаем в руины – только за то, что она не хочет жить, как мы, где за слово с точками штрафуют и сажают в тюрьму», в котором актуализируется пресуппозиция: жители России превращают в руины процветающую страну.

Превращать – Первое значение: Придавать кому-либо, чему-либо новый вид, обращать во что-либо иное, переводить в иное состояние.

Руины (от латинского Ruina – развалины) – Развалины какого-либо строения, сооружения.

Цветущий – Четвертое значение, переносное: успешно развивающийся; процветающий.

Процесс действия, выраженного словосочетанием «превращаем в руины», соотносится с действиями, выраженными словосочетанием «бомбим города».

Елена Кравченко. Значит, когда в Донецке и Луганске убивали людей, за их решение не жить с нацизмом, вы не высказывались против.

Любовь Андреевна. Пожалуй, до вашего ума мне не дотянуться и не вникнуть в ситуацию. Я-то знаю, что нацизма в Украине – НЕТ, это вам и таким, как вы, очень красиво объяснило ТВ. Где бы я ни была в эти годы, с 14-го по 20-й: в Киеве, на Карпатах, во Львове – ко мне относились прекрасно, хотя говорила только по-русски и не скрывала, что из России. НЕТ там нацизма! Мои братья и сестры подтвердят, мои друзья и бывшие ученики, живущие по всей Украине, пишут и просто кричат: за что? Чем мы вам не угодили? Тем, что хотим жить без РФ?

Суд. За – Двенадцатое значение: При указании причины какого-либо действия, в значении по причине, вследствие.

Что – Первое значение: Указывает на предмет, явление, ситуацию, о которых идет речь.

Для указания на территорию используется лексема «Украина».

Украина – государство Юго-Восточной Европы.

В высказываниях имплицировано указание на ведение на территории Украины военных действий.

На основе пропозиции высказываний с учетом их пресуппозиции, а также на основе значения лексических единиц в составе высказываний определено следующее положение дел, связанное с действиями Вооруженных Сил Российской Федерации: российскими военными на территории Украины осуществляются враждебные действия, направленные на убийство не принимающих в военных действиях жителей Украины или изгнание их из страны, а также на разрушение украинских населенных пунктов.

Любовь Андреевна. Тысячу раз права та, что вышла с плакатом «НЕТ войне», а не та, которая говорит войне – «ДА».

Вот. Ну и вот такого рода комментарии в апреле, повторяю, вот в защиту, скажем так, вот этой женщины, вышедшей с плакатом, на который, ну, далеко не все решаются, я попыталась ее просто защитить. То есть мы с нею не знакомы, я даже фамилии ее не знаю. Ну, естественно, она не знает, что я так пострадала, собственно, и включившись вот в эту обсуждаловку.

Арина. Ну если начать с себя, я вообще коренная харьковчанка. Я родилась и выросла в Харькове в 1990 году и до 2012 года я жила в Харькове. И вот, собственно, в 2012 году, когда мы уже начали встречаться с моим мужем, я переехала в Сахалин. В принципе, вот для меня Харьков и Сахалин они всегда были переплетены, потому что раньше как таковой границы у нас не имелось. И для нас это всегда как бы был, что там, что там, можно сказать, дом, особенно несмотря на то, что у меня муж как бы из Сахалинской области. И как-то вот я переезжала, как сказать, ну не то, чтобы как к себе домой, да? Просто я недалеко уехала, и я всегда знала, что я могу там кататься туда-сюда, домой вернуться, еще что-то. Для нас всегда вот в Харькове, я училась в русской школе, у нас была литература России, у нас был русский язык. Параллельно, конечно, был украинский, украинская литература. И нам Россию никогда не показывали с плохой стороны, я не знаю, допустим, я же не говорю за другие регионы Украины. Всегда говорили, что Россия великая, в России хорошо, то есть как-то вот там какое-то постоянство, что-то такое. Никогда не было, вот, допустим, как сейчас от многих я слышу, типа там Россию всегда хаяли или еще, извините за выражение. Не было такого. Я не хочу там говорить за всю Россию, да? Вот я то, что я видела в Сахалине, могу сказать только за Сахалин. Ну, если начать, допустим, с 2014 года, мне уже тогда непонятна была позиция россиян, конкретно сахалинцев, потому что многие там как-то были зациклены на том, что Украина плохая. Хотя вы все, ну, процентов, ну, я не знаю, 90, мне кажется, сахалинцев были в Харькове, они туда ездили, катались, скупывались, они оттуда привозили дешевые продукты, которые они потом перепродавали, это было вообще сплошь и рядом. И позиция, когда уже началась война в 2022, 24 февраля, меня вообще повергла в шок, потому что очень многие сразу стали на сторону России. И вот с чем я столкнулась, что мне было непонятно, почему я решила выйти с плакатом, ну, как бы я отстаиваю свою позицию. Как мне казалось, как нам говорили, да, то, что там Россия - свободная страна и так далее. Но когда я приехала в Россию, я поняла, что, ну, как бы не совсем все так красиво, как нам описывали.

Полина. До войны я, например, ездила в несколько приграничных районов, потому что война как бы готовилась. Я просто разговаривала с людьми. Это было, по-моему, 16 или 14 февраля. С местными людьми просто разговаривала о том, ждут ли они войну, готовятся ли

они к ней. Потому что всё об этом говорит. И никто ее не хотел. Все люди мне говорили, что если будет какое-то нападение, то только со стороны Украины, что мы никогда не нападём, ни один человек не сказал мне, что да, мы нападём, мы хотим эту войну. Все люди просто жили в своем обычном мире. Двадцать четвертого февраля я проснулась где-то в полпятого утра в какой-то жуткой тревоге у себя дома. Я полезла читать новости в телеграме и вижу обращение этого урода. Про то, что он, в общем, объявляет о начале спецоперации. И в этот момент я услышала, как летят эти, запускают ракеты по Харькову. От нас. Это было ужасно. Птицы просто с деревьев. Было раннее утро, с деревьев слетали птицы, прям от испуга. И это была просто не знаю, это было какое-то горе. Просто труднопереносимое, я разбудила своих - началась война. Просыпайтесь. В общем. И оно не проходит. Оно не проходит. Оно иногда может забиваться. Чем-то затыкаться... ну, если, ну, какое-то происходит действие или событие, которое отвлекает от этого, но на самом деле оно все время висит внутри. И это просто какое-то жуткое горе и бессилие. Я не знаю. Я пошла утром этим писать репортаж. В город. Еще было все закрыто. На улицах мало кого можно было встретить. Я пошла на рынок, он рано открывается. Я послушала, что там говорят люди. С некоторыми немножко пообщалась. Ну и - "да все правильно, классно! Давно пора было это сделать!"

Шепот: ГЛУЗД – ум, разум («С глузду съехал ты, что ли?»).

Пётр. Пропаганда страшная штука, я не понимаю до сих пор, как это возможно, потому что когда я увидел Сумскую улицу в Харькове, там это одна из центральных улиц, когда я увидел Московский проспект, у меня, ну, я плакал, реально я плакал, потому что я будто там... Большая часть моей жизни как бы связана с ней. Я каждый дом, каждую улицу знаю там в этом месте, или Салтовка сгоревшая, выгоревшие там окна и все остальное, а я вижу, что я в соседней квартире там буквально несколько лет назад, я не знаю. Был у друзей. Я не понимаю, как это возможно. Ну и опять же, это накачали тем, что вот там это украинская пропаганда, что никто там, что вы сами по себе стреляете, в это гораздо, мне кажется, мозгу гораздо проще поверить, что украинцы сами себя убивают, сами обстреливают свои города, чем поверить в то, что твоя армия там, твои сограждане просто ровняют с землей город, которой ты любишь.

Арина. Ну, я расскажу про 24-е. Мы проснулись с мужем, я собиралась на работу. И мы проснулись от того, что у нас громыхает дом. То есть настолько были, получается, слышны ближайшие взрывы там, в Харьковской области. Мы сначала первое, мы не поняли. Второе - мы уже такие как бы встали и типа, что происходит. Потом как-то ну, все что-то там затихло, как бы никто вообще не думал ни про какую войну, ни... Ну как бы я вообще не политический человек. Я, как бы, я всегда за мир, всегда за людей, всегда за добро. То есть, ну, как-то это всегда проходило это, можно сказать, мимо меня. И когда я уже собиралась на работу, и громыхнуло так что у нас чуть ли крыша не подскочила. И тогда, естественно, все прибежали, соседи начали выходить, что происходит? И первое, что я услышала, я вышла на улицу, и кто-то говорит: бомбят Волчанск. Ну, я думаю, вы знаете, это от Камчатки недалеко. А у нас в Волчанске живет мужа сестра, ну, это Украина получается уже. Мы давай ей срочно звонить, ну, потому что вообще непонятно, что, как, куда. Мы позвонили, она там с криками, со слезами, они куда-то бегут, непонятно что, тогда еще как бы была связь, можно было созвониться, в какое-то убежище, в какие-то погреба. И она говорит: бомбят жутко. То есть там и дома, ну и все, что угодно. Я, естественно, сразу, ну тут же начали говорить и про Харьков, потому что ну... Мне, когда они сказали еще про Харьков, я

даже не думала, что там что-то может быть в Харькове, и тем более в каких-то других частях Украины. И, естественно, я начала звонить родителям, они у меня живут в Харькове. Ну, сейчас они выехали временно. Ну как. После... В начале марта они выехали временно, и то это было очень сложно. И естественно, я давай звонить им. Мама с папой тоже в шоке, потому что, ну, они жили территориально на Северной Салтовке. Это как раз приокружной, так сказать, район, который пострадал больше всего, то есть у нас на Северной Салтовке процентов 90 домов, они повреждены очень сильно, и в мой дом тоже прилетело, у нас была девятиэтажка обычная, и последних как раз, у нас три подъезда было, и как раз в наш подъезд, последних трех этажей не было.

Лена. Я вот уже просто думаю, или они не представляют, что все-таки здесь происходит. С другой стороны, мы понимаем, что есть интернет, есть где посмотреть, есть телеграм-каналы, которые можно там зайти, глянуть. Ведь куча фотографий, видео, все это есть. Или не хотят, или не смотрят. И мне иногда кажется, они просто не понимают, что здесь происходит. В общем, для нас многое непонятно. Мы здесь немножко другие, все равно мы стали другие. Я брату говорю, мы стали "бандеровцами". Реально. Вот еще, знаете, вот это вот то ли потому, что у нас постоянно правительство меняется, там такое, сякое, выбирают их. И у нас правительство наше могут критиковать везде, выступать. Кому-то нравится один, кому-то другой. Постоянные споры у нас тоже ж тут бесконечно между собой. И я вот вспоминаю, мы приезжаем домой. Вот я там разговариваю со своим кумом, а он мне: "Вот Путин молодец. Вот это Путин!"

Суд. В высказывании «Я не была поклонницей Немцова, но то, что Путин мстит Украине, - это очевидно и без Немцова» реализовано указание на то, что целью осуществления военных действий на территории Украины является «месть» лица, обозначенного «Путин».

Антропоним «Путин» соотносится с Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным, который является Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации и руководит действиями Вооруженных Сил России, то есть отдает приказы российским военным.

Лена. Я говорю, ну чем он молодец, скажи? - Порядок навел. Я говорю, какой порядок у вас? Вот ты расскажи какой? Вот они прям на Путина молятся. Вот это Путин. Только вот это Путин. Единая Россия. Вот это... Я вот слушаю, ну, это просто как зомби какие-то. Вот это меня просто... Ну, не знаю, вот какой-то. И все время, вот это уже особенно последние лет 10, это точно, все время вот - пиндосы, пиндосы, вот эта Америка такая сякая. Но так как мы там были уже раз 10 в Америке, мы понимаем, что американцам дела нет вообще ни до россиян, ни до кого. Они живут своей жизнью, у них вообще своя жизнь. А вот это вот Сахалин - вот это «тЫхээ (тихое) болото», знаете? Вот все там вот они живут: "а зачем мне тут паспорт заграничный?", "А я не ездил и не хочу, оно мне не надо". И вот какие-то вот реально вот какое-то болото, просто болото и все.

Виктор. Мы понимаем это как, знаете, две цивилизации, питекантропы, да, и кроманьонцы. Мы кроманьонцы, а другая пошла тупиковая ветвь - питекантропы, точнее, неандертальцы, извините. То есть мы две разные ветки.

Шепот. ПОРОБИТЬ, ПОРОБЛЕНО – навести порчу, испортить человека («Чего хвораешь? Тебе не пороблено?»)

Лиза. Я каждый день учусь не осуждать тех людей. Мне было очень тяжело в Сахалине, потому что я же работаю в школе, и мои коллеги, ну вы представляете себе среднестатистическую учительницу, какая-нибудь Ирина Петровну, которой 45-50 лет, и это же как раз избиратель Путина, вот как раз та самая Ирина Петровна, которая действительно поддерживает, и он той самой Ирине Петровне каждое там первое сентября 10 000 на ребенка дает, чтоб в школу его одеть, да? И это вот тот самый человек, который все это поддерживает. И для меня было таким ужасом, потому что я знаю этих людей, и я знаю, что это прекрасные люди, они тебе помогут, и конфетами угостят, они не равнодушны, они хорошие, они очень хорошие по-человечески люди, и здесь они да, это все поддерживают. И для меня было это очень сложно. Но как-то, ну тоже я так с собой разговариваю, я объясняю себе, что вот она прожила свою жизнь, она никому ничего плохого не сделала, может, самый главный ее грех - это то, что она там сплетничала, то есть она никогда ничего плохого не сделала. А здесь получается, что нужно признать, что мы плохие. А как это "мы плохие", если она ничего плохого не сделала. Вот какое-то такое. Ну это же ад жить со всеми теми чувствами, с которыми живу я, Любовь Андреевна, то есть просто невозможно. Что ты постоянно понимаешь, что ты на стороне зла сейчас находишься. Что твоя страна это делает от твоего имени, ты ничего не можешь сделать. Это же ужасно, никому я не пожелала бы находиться в такой ситуации, и поэтому у меня тоже иногда в минуты отчаяния хочется, чтобы "а может они там правы, может, действительно, 25 февраля и на нас бы напали", ну как-то эта вся позиция очень понятна. Поэтому без осуждения. Ну и как - не они зло, то есть не они это делают, не они выбирали. Вот я говорю, в Сахалине поддерживают войну, но, конечно, не совсем так. В Сахалине поддерживают Путина - да. В Сахалине не услышишь какие-то оппозиционные голоса - да, не услышишь. Но, тем не менее, мы пришли в школу 24 февраля, в школе было в одном классе один человек, в другом классе 3 человека, ну это не поддержка, это не то, чтобы кто-то прям хотел, да, "давайте скорее бомбить Харьков", нет, все в ужасе, просто все в ужасе, но а говорят то, что говорят, потом будут говорить по-другому.

Виктор. Мои родственники, там сестра моя старшая - в Камчатке, у меня есть еще одна старшая сестра, она в Геленджике, и старший брат тоже в Геленджике, мои племянницы там, у моих братьев-сестер по две дочки у всех, а у меня сын, и мне звонят, кстати, вот за этот год звонят только племянницы, ни брат, ни сестра ни разу. Брат, я не знаю, они у нас... я им помогал сколько раз, да елки, что вспоминать, сколько мы им помогали. У моей сестры там тоже проблема была с дочкой, в Харькове лечили, ее, можно сказать, вытянули, мою племянницу здесь, в Харькове, в больнице четвертой неотложке, ну, она умирала. Ну, ожоги были, когда маленькая. И она к нам приезжала тоже в гости. То есть они, я не знаю, это моей сестры дочка. И сестра ни разу мне не позвонила, и вообще ни разу за год. Брат написал мне сообщение один раз, это полгода назад. Открыткой - "привет". Открыткой! "Как ты?" Ну я написал матюком слово. А так все нормально. У нас муж крестницы, это очень близкий человек, это в Борисовке, это тоже Сахалинская область, это наши практически родственники. Ну а что - он не позвонил ни разу. Я не знаю, что это. Как бы они для нас как родные, они знают, что мы для них готовы на все. И мы, честно говоря, в шоке, что ни одного звонка от них. "Как вы там" хотя бы. Не надо там ругать Путина, хотя бы просто - "Как дела?" Я не могу понять, потому что, как сказать, ну, у человека должны быть какие-то человеческие чувства, да, сострадание там. Ну, что-то, какая то дружба остаться. Я не могу этого объяснить, я не могу.

Лена. Иногда мне кажется, что боятся звонить...

Шепот. ПАМОРОКИ ЗАБИТЬ – отбить память, «голову» забить.

Александр. И всегда, всегда, отец мой еще был жив, всегда дядечка Сережечка, когда выпьет хорошенечко, он начинает на своего конька, конечно, садиться, садился на своего конька - а вот вы здесь, в России, а вот мы там на Украине. И было у него, конечно, такое, что вот, что мы, мы же украинцы, а вот вы, вы-то вот нас не поймете, мы другие. И при этом он всегда, когда беседовал - иногда, редко, но бывало такое, что мы там созванивались еще до войны, я имею в виду, - он всегда говорил вот, да, передавай привет маме, передавай привет там сестре, передавай привет жене, там, чтобы ей все было хорошо, детей всех по именам называет, передавайте, чтобы у них там. То есть он каждого. Вот это такая манера. Я тоже так иногда, ну, так, не то, что раздражался, но, боже мой, ну, прям каждого называет. Вот каждому он... Боже, как я это сейчас, это все ценю. То есть вот. Ну, как обычно, привет это дело дежурное. А это вот это, это, видимо, внутри, в культуре, в воспитании. Понимаете, что он не может просто сказать - ну передавай всем привет. А каждого назовет, про каждого спросит, каждому какое-то слово скажет, вплоть до двоюродной сестры и так далее, ее мужа. И ты потом звонишь и передаешь когда все-таки ты понимаешь, что вот это цементирует-то все на самом деле, это цементирует семью, отношения - когда тебя помнят, когда в мелочах тебя не забывают. И когда все это грянуло 24-го февраля, где-то неделю, наверное, может быть, две, у меня вообще была... Думаю - надо позвонить. А как звонить? А что говорить? Блин. Ну, как звонить-то? То есть, ну... А что скажешь-то, а как отреагирует? Ты же не знаешь. Но, в общем, я позвонил, как-то понял, что надо просто звонить, и все, не думать, как получится. И получилось не просто здорово, а получилось здоровее некуда. То есть он настолько... Он, конечно, рвал и метал по поводу Путина, конечно, по поводу там нашего государства, естественно. Но он ни слова не сказал лично мне, что я там всё. Больше того - он постоянно: "Так, что там сын? Смотри, ты его куда-нибудь спрячь. А вдруг мобилизация, не дай бог." Я когда ему рассказывал, там про школу, говорит: "Смотри, Паша, ты такое говоришь, сейчас опасно. Ты побереги, лишний раз ничего не говори". Звоню ему - "А что там опять у вас там взорвалось?" А он такой, голос у него благодостный, говорит: "Да все нормально. Да, мы сидим тут, да, и живем мы в больнице пять дней, на выходные едем домой, потому что с транспортом плохо. Да ты знаешь, ничего, не голодаем, все хорошо, и свет есть, и что генератор работает, и вода там есть, и все, в общем." И он успокаивает меня, сидя там, потому что там было иногда очень жестко. И вот и все. Он сказал: «Мы никуда не поедем, будем как гвозди ржавые торчать». И я каждый раз, - раз в две недели, наверное, мы созваниваемся, может, раз в три - и каждый раз это вполне себе прекрасные разговоры. И каждый раз это при прощании - "Всем привет". И опять с перечислением имен, отчеств и фамилий всех родных. Ну вот так.

Пётр. Я полгода назад разговаривал с отцом своей бывшей девушки, и ему, а он, он-то, у него магазины сантехники. И он рассказывает мне, что ему снится, ну ему приснился сон, где... ну это было после того, как после удара российских ракет сгорел рынок Барабашево. И он знал там много людей, которые просто там давали, не то, что там в долг, он мог закупиться там, на двести тысяч рублей набрать товара, а у него было там 150. И ему просто говорили, что типа, да ладно, Сереж, на следующей неделе 50 привезешь, никаких проблем. Или когда будут. То есть вот такого уровня доверие было, что такие существенные суммы люди из разных стран по факту могли просто так тебе предложить, и были уверены, что ты эти деньги вернешь, потому что у вас было такое, любовь, доверие, дружба там и так далее. И вот ему приснился сон, что этот же человек, который давал вот эти, ну, как бы в долг ему этот товар, говорит ему, ну, стоит на горящем рынке Барабашёво и говорит: Сережа, а как же так все это произошло? И я впервые видел, что этот человек, он вообще

не испытывал в моем понимании никогда никаких эмоций за пять лет моих отношений с этой девушкой. Ее отец. И я впервые увидел, что он плакал. Ему было очень больно от того, что сгорел этот рынок, сгорел бизнес этого человека, то, что он больше не может с ним как-то увидеться и там, я не знаю, пива выпить.

Арина. Я приехала на площадь главную с плакатом. Там площадь, она на самом деле очень маленькая, ну, собственно, как и город Сахалин, он небольшой. На этой маленькой площади там стояли порядка семидесяти, наверное, людей в военной форме, полицейских, в полном обмундировании, с автоматом, в касках, с закрытым лицом. И как бы я понимала, что если я сейчас выйду, это ничего не даст, потому что через секунду, даже минуты не пройдет, потому что они все были по всей площади. Это не даст вообще никакого толку, то есть не покажет никакую мою позицию, чтобы там донести что-то до людей или с кем-то переговорить, или рассказать свою историю, - что на самом деле не то, что показывают по новостям, - я могу рассказать свою историю, то есть историю тех людей, которые сейчас находятся в Украине, в том числе мои родители, и как это все там происходит. Вот. Соответственно, в первый раз у меня ничего не получилось. И точно такой же был второй раз. То есть они стояли там просто круглосуточно. И я решила выйти в Камчатке, потому что это родной город моего мужа. И я вышла там с плакатом. Люди на меня смотрели очень косо, не понимая. Я простояла, наверное, минут семь, десять. Никто не подошел, и я начала... как бы я смотрю по сторонам, и многие люди брались за телефоны. Видимо, сообщить, что какая-то стоит, позвонить в полицию, потому что было тогда и в новостях, и говорили, типа если вы видите каких-то таких людей, типа сообщайте, вам это будет какая-то, - я не знаю, где правда, - галочка. И люди сообщили, видимо. Подходят ко мне, человека четыре их, наверное, было, тоже с полиции, они были тоже с автоматами, и начали, естественно, спрашивать документы, - "что вы здесь делаете?" А я говорю, - а что это запрещено? Как бы, ну, я гражданин Российской Федерации на тот момент уже была, я получила буквально за полгода, ну, чуть больше, за восемь месяцев до войны гражданство. Я не совсем понимаю. И, естественно, они - пройдемте.

Любовь Андреевна. Сначала я не поняла даже, что происходит. Я провела занятие, а после него сообщили, что будет внеплановое собрание кафедры.

Полина. То есть, вы не знали, что она собирается по поводу вас?

Любовь Андреевна. Нет, но мне показалось, что в воздухе я почувствовала какую-то непонятную тревогу. Они вроде и разговаривают, но что ли глаза отводят... А когда зашли на кафедру, ко всем повернулась заведующая и спросила: Панкратова же здесь? А то ведь без нее же не состоится.

Суд. Сахалинский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «СахалинГУ»)

Протокол

Собрания работников и обучающихся педагогического института НИУ «СахалинГУ»

09.06.2022

Г. Сахалин

Председательствующий – Тарабаева Виктория Борисовна

Секретариат – Кадуцкая Лариса Анатольевна

Избрано делегатов – 70 человек

Присутствовали – 50 человек:

Перечень фамилий

Приглашены – перечень фамилий

Любовь Андреевна. Все они расписывались, что присутствуют.

Суд. ПОВЕСТКА ДНЯ

О рассмотрении обращения Шевцовой Оксаны о высказываниях преподавателя кафедры русского языка и русской литературы НИУ «СахалинГУ» Панкратовой Л.А. в социальной сети ВКонтакте:

“Кто учит наших детей?”

Доброе утро. Прошу обратить внимание на преподавателя университета, учителя русского языка и литературы – Новикову Татьяну. Какому патриотизму и любви к России она может научить наших детей, если в соц. сетях выкладывает подобные комментарии, скидывая скрин ее комментариев. Прошу отреагировать на данное письмо, копию которого я отправляю губернатору Сахалинской области Гладкову В.В.”

Любовь Андреевна. Заведующая меня до этого предупреждала: если вы себя подставляете, то не подставляйте кафедру. Тогда я спросила, не собрались ли меня распинать, и добавила, что не вижу креста голгофного. Одна коллега на это сказала: ты себя возомнила Христом? Я ответила, что по значимости не сравниваюсь, но ситуация вроде как похожая.

Суд. В соответствии с пунктом 5.5 Кодекса чести преподавателей и сотрудников НИУ «СахалинГУ», решение о наказании за нарушение норм Кодекса в форме вынесения публичного порицания нарушителю, выражения ему общественного недоверия в случае существенного и неоднократного нарушения положений настоящего Кодекса, которые повлекли за собой дискредитацию коллектива университета, принимается собранием трудового коллектива. Какие предложения будут по началу собрания?

Любовь Андреевна. Решеткой меня, конечно, не отгораживали, но, скажем так, я сидела на лобном месте. И на кафедру выходили меня обличающие.

Полина. Что они говорили?

Любовь Андреевна. Они выходили к трибуне по очереди, а я сидела перед ними. Первая начала директор пединститута. Дескать, вот, Любовь Андреевна, уважаемый человек, профессор, столько званий. Но при этом она совершенно не слышит! Сколько ей говорили, замечаний делали, а она продолжает позорить наш институт тем, что не согласна с линией правительства, что она ее осуждает.

Суд. Папков А.И. – отметил, что ситуация, в которой оказалось современное общество, не стандартная, взгляды сформировавшегося, взрослого человека трудно изменить, но личные взгляды не должны влиять на общественно значимую позицию преподавателя вуза. Подчеркнул, что Панкратова Л.А. в силу длительной работы в вузе имеет влияние на большое количество студентов. Данный вопрос обсуждался на заседании кафедры, Любовь Андреевна была предупреждена о необходимости воздерживаться от комментариев, которые могут расцениваться как проявление позиции, направленной

против государственной политики, но продолжила транслировать свою позицию в социальных сетях.

Липич В.В. – подчеркнул, что Любовь Андреевна в своих убеждениях непоколебима, высказанная ей позиция не разделяется коллективом кафедры русского языка и русской литературы, несмотря на то, что на заседании кафедры Панкратова Л.А. была проинформирована об этом, но изменения ее взглядов не произошло. Предложил признать высказанную позицию Панкратовой Любовь Андреевны в социальных сетях как некорректную, не соответствующую званию преподавателя университета.

Шаповалов В.А. – заявил, что когда Любовь Андреевна выставляла на сайте свои суждения о специальной военной операции России на Украине, она должна была осознавать, что является членом большого коллектива НИУ «СахалинГУ». Ее рассуждения могут восприниматься как мнение преподавательского корпуса Университета. С другой стороны, Любовь Андреевна профессор государственного университета, который должен проводить государственную политику и не имеет права выступать против политики государства, будучи членом коллектива вуза. Если есть желание ретранслировать свои идеи, то целесообразно снять с себя звание преподавателя НИУ «СахалинГУ» и высказывать их в частном порядке.

Титова А.С. – заявила, что Любовь Андреевна признала свою ошибку, и предложила ее простить, если она опровергнет написанные слова в публичном пространстве.

Любовь Андреевна. Две девочки, преподавательницы, встали, но не успели и двух предложений сказать, их сразу заткнули. Они попытались сказать, что я замечательный преподаватель, профессионал, что я никогда не транслирую на студентов свои взгляды. Но их прервали, заявив, что здесь не разбираются мои профессиональные качества. Потом, перед судом, я написала некоторым коллегам письма с просьбой поддержки, тем, на кого рассчитывала. Но никто из них мне не ответил. Даже те девушки, которые попытались сказать что-то в мою защиту.

Полина. Как думаете, вы сможете дальше с ними общаться?

Любовь Андреевна. Я, конечно, буду общаться. К этим двум девушкам я отношусь как к дочерям.

Полина. А они с вами смогут, можете представить?

Любовь Андреевна. Не знаю.

Потом вышла еще одна сотрудница института, до этого она всегда ко мне с пиететом относилась. А тут стала мне говорить: вот вы жалеете своих погибших родственников. А наших, которые воюют под Сахалином, их вы не жалеете? Я ответила, что я-то как раз всех жалею. Она говорит — ну вот вам своих жалые? Я говорю — простите, но своих мне жалые. И в конце она: Любовь Андреевна, скажите всем, в открытую, вы поддерживаете спецоперацию? Я сказала, что все мои публикации связаны с тем, что я не принимаю любого кровопролития. И тогда глава института заключила: вот видите, перед ней сто человек сидят, а она все равно на своем стоит.

Полина. То есть, вам предлагали отречься от своих слов?

Любовь Андреевна. Видимо, да. Еще до суда один журналист, работающий в местном государственном СМИ, тоже мой бывший студент, предлагал мне публично отречься от своих комментариев. Говорил, это вас спасет. Говорил, что такой совет бы мне дал. Я ему написала, как плохо он меня знает, что не буду писать никаких покаянных писем, и

выступать в печати с ними не буду. Даже если бы я на самом деле поменяла отношение, я бы постыдилась об этом писать. Он мне ответил, что хотел мне помочь.

Суд. ВОПРОСЫ:

Пчелкина Е.П. – в публичном пространстве было ли опровержение написанных слов, раскаяние?

Панкратова Л.А. – Нет, так как я не могла это сделать.

Ильенко Н.М. – какое отношение в настоящее время к спецоперации у Любовь Андреевны?

Панкратова Л.А. – Я не обязана отчитываться. Я не обязана представлять свое личное мнение.

Гребнева В.В. – Мы как психологи, педагоги, волонтеры работаем с беженцами, может, вам оказать помощь людям, пострадавшим от украинского <нрзб. – фашизма? Нацизма?>, поговорить с ними?

Панкратова Л.А. – у меня много родственников в Украине, и я помогаю им, и доверяю их информации. У меня брат в поселке Горловке.

Стебунова К.К. – отметила, что фактов высказываний по вопросу специальной военной операции со стороны Любовь Андреевны в ходе аудиторных занятий не установлено.

Тарабаева В.Б. – предложила собранию определить отношение к позиции Панкратовой Л.А.

Любовь Андреевна. Они мне все это говорили, а я сидела и думала, как это похоже на спектакль. Я никак не могла выйти из того ощущения, что это не реальная жизнь, а какая-то театральная постановка. А когда начались суды, мне вдруг вспомнилось — есть же такие квесты, некоторые богатенькие себе заказывают? Тюрьму, взятку с поличным.

Инсценировку как в фильме «Холоп». И я подумала — а что? Мне бесплатно устраивают такой крутой квест. Люди за это деньги платят большие, чтобы испытать такой жуткий стресс, получить острые ощущения. Я бы хотела про все это написать, но я не знаю, когда я все это напишу. У меня уже жизнь кончается, а я не успеваю.

Суд. ПОСТАНОВИЛИ:

Признать высказывания Панкратовой Любовь Андреевны в отношении проводимой специальной военной операции, сделанные в социальной сети ВКонтакте, противоречащими морально-этическим нормам, препятствующими осуществлению воспитательной функции преподавателя, а их распространение – противоречащим правилам профессионально корректного поведения, которыми должен руководствоваться преподаватель университета.

Выразили публичное порицание Панкратовой Любовь Андреевне.

ГОЛОСОВАЛИ:

За – 50, против – нет, воздержался – нет, решение принято открытым голосованием.

Председательствующий В.Б.Тарабаева (подпись)

Секретарь Л.А.Калуцкая (подпись)

Шепот. ГНОЙ – навоз, куча навоза.

Александр. Я думаю, вот главный-то вопрос для меня, как такого гнилого интеллигента рефлексирующего. А вот если бы я все-таки работал на кафедре и... когда это было, вместе со всеми бы сидел и слушал бы это все по поводу Любовь Андреевны, а как бы я себя повел? Я не знаю. Мне очень хочется надеяться, что я бы повел себя мужественно и сказал бы, что это все ерунда. Очень хочется надеяться. Но я, но я, чтобы сказать об этом 100%, что было бы так, я не знаю. А может, все, что ни делается, к лучшему, и мне такую ситуацию не подкинула судьба. А я не знаю.

Любовь Андреевна. Ну и ВУЗ поспешил отрапортовать, что вредный сорняк выдернут.

Суд. Запись из трудовой книжки. 10.06.2022. Уволена за совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы, пункт 8. Приказ от 10.06.2022 № 1255-ЛС

Любовь Андреевна. Я спросила у проректора, который меня увольнял, как он с этим будет дальше жить, он опустил глаза. Сказал, что так велел ректор. Те люди, которые верили в то, что говорили, эти ладно. А как же те, которые, как говорится, не постеснялись? Дерево под влиянием обстоятельств вырастает кривое, косое. Они, получается, под влиянием обстоятельств тоже приняли позу, прогнулись.

Я поняла, дело не в моем преступлении, а дело в том, что вузу надо было отчитаться, им было важно показать, что мы тоже не лыком шиты, и мы пахали, и мы даже профессоров увольняли. То есть, вот как-то засвидетельствовать свою особенность и твердость своей позиции. Ну, даже больше, чем вот все то, что потом развернулось, меня, конечно, поразило то, что главный девиз "своих не бросаем", потому что ВУЗ меня бросил сразу же и до сих пор со мной никто не общается. Кафедра, которая меня славословила, на которой я работаю 35 лет, и которая там без конца награждала грамотами, присуждала звание "лучший преподаватель", и, собственно, можно сказать, я одна из старейших была работников кафедры, потому что многие приехали, а я сама этот вуз заканчивала. Я когда-то спросила у одного студента, у выпускника, который вхож туда, "чем это вызвано?", он сказал - трусят, боятся. Я говорю, чего бояться, я же не Солженицын, не сижу в подполье, я бог знает, собственно говоря, не злобное существо какое-то.

Когда мне говорили, что я не просекаю ситуацию, что я обработана, что у меня мозги, так сказать, запудрены и так далее, я говорю, мне никто мозги не пудрил, я человек достаточно упертый, переделать меня трудно, и я верю не только там моим родственникам, о которых вы спрашиваете. Я переписываюсь и с теми, кто ко мне на конференции ездил. Те, кто преподавал в Харьковском университете, в Университете педагогическом имени Сковороды. Они дают мне, я думаю, объективную картину того, что происходит. Я с ними много лет сотрудничала и продолжаю им верить.

И когда меня обсуждали, я вот, собственно говоря, об этом говорила, "не надо обвинять меня в антипатриотизме, может быть, мы просто по-разному любим родину". Или, может быть, мы разные родины любим с вами.

Мой путь лежит мимо университета, но есть еще другой, более длинный путь, ну там чуть-чуть ниже, и я хожу длинным путем, потому что я не хочу ни с кем пересекаться. Я

дважды или трижды случайно пересеклась, и одна из моих бывших коллег прошла, не поздоровавшись. Другие встречаются - здороваются, но тоже не останавливаются, не спрашивают. Всё знают они, как мне тяжело было с этими судами, с этим приходом ко мне следователя, бог знает. И они никто не спросил, как я себя чувствую, как я держусь, за счет чего я держусь? Никто из них не спросил.

Вначале было сожаление, я ругала себя, думаю, я, знаете, думала о том, что, ну, как помните, все помнят, что Пушкин Чацкого, помните, не очень, он восхищался комедией "Горе от ума", но он не очень понимал Чацкого, который мечет бисер перед свиньями, который говорит с людьми, которые его не понимают и находятся на другой позиции. Ну, как бы, он сказал, первый признак умного человека - это знать, с кем ты разговариваешь и что ему говорить. И я подумала, что я в этом смысле опять повторила ошибку Чацкого. Теперь я думаю, что я даже уже не жалею об этом, потому что, ну, говорю, что ради того, что я узнала за это, вот период тот, который начался за этими несчастными комментариями, он что-то мне дал, он дал мне больше. Беда, она как-то что-то во мне изменила.

Шепот. Шел Господь за тридевять небес,

Нес Господь сотворящий крест,

Благословил им на все четыре стороны.

Стоит гора высокая, на той горе кругом ограда,

А в той ограде Никита, Марка, Иван Богуслов,

За нас Богу молят, у Христа души просят,

Господи помилуй, Господи помилуй, Господи благослови и спаси рабу Божью (имя)

От злых нападающих людей,

От всяких болезней и скорбей,

От колдунов, от судов,

От тюремных заключений,

От плохих помышлений.

Аминь. Аминь. Аминь.

(и переступить правой ногой через порог, когда выходишь из дома)

Записано в г. Сахалине от Шабалиной Л. П. 1936 г.р. Удодовой Т. 1999 г. АКТЛФ

Лиза. У меня другая моя одногруппница спрашивает, "ну зачем она это говорила, неужели она не понимает, что нельзя писать такие вещи вот в соцсети?". Что абсолютно безобидные комментарии, ну да, но если с точки зрения современного законодательства, они не безобидные. В этих комментариях, действительно, есть дискредитация армии, это правда.

Но просто здесь же дело не в том, что есть дискредитация или нет, дело в том, что закон неправильный. Дело в том, что закона такого не должно быть, а не в том, что она сказала эти слова или не сказала. Да, сказала, но это можно говорить, это преступный закон. Вот. И моя подруга говорит, что "неужели она не понимает, что это нельзя говорить, нельзя говорить, что наше государство бомбит Харьков, ну это нельзя говорить". А Любовь Андреевна действительно не понимает, что это нельзя говорить. Потому что у неё нет этих границ. Мы все как-то живем, вот эти вот ограниченные, а Любовь Андреевна не ограниченный человек, поэтому она не понимает, что есть какие-то запрещенные темы, запрещенные стороны. У меня мама такой человек, вот она тоже в Донецке, и она собиралась идти в Донецке на митинг против мобилизации, и она не понимает, что вот в Донецке нельзя идти на митинг против мобилизации. Вот, какое-то такое абсолютно безумное бесстрашие.

Шепот. ЦЫТЬ! ЦЫТЬТЕ! – Молчи! Молчите! Замолчите!

Александр. Вот в какой-то момент, ну, наверное, близкий, близкий к отчаянию. У меня как раз был 11 класс, у меня был выпускной класс. И когда все это произошло 24 февраля, я, ну, через какое-то время узнал, что настроение родителей некоторых такое ура-патриотическое, зэтующее, скажем, у детей тоже некоторых такое же, а некоторые дети, наоборот, очень растеряны. Им нужна поддержка, когда это понял, я и просто стал с ними разговаривать, с этими детьми, поддерживать каким-то образом. И в личных, опять же, беседах, и я чувствую, что они меня слушают, они мне что-то говорили, я им был благодарен, потому что вакуум стал рассасываться. Вот этот вакуум, в который все попали. Вот ты один такой то сидишь, читаешь, все время накручивают там новости, приходят страшные фотографии, а тебе не с кем поговорить об этом, потому что в семье тоже, в общем, ну, не будешь же каждый день об этом говорить. Вот поэтому случилось такое. Ну, не знаю, я вообще, наверное, трус больше оказался. Я никогда не думал, что я такой трус, потому что до того, в разговоре с мамой с моей сказал, если что, если война с Украиной вдруг. Это был, наверное, январь, может начало февраля, то я встану и пойду. Я пойду на площадь и скажу, скажу нет, ну не пошел и не сказал.

Шепот. ЦЫТЬ! ЦЫТЬТЕ! – Молчи! Молчите! Замолчите!

Наталья. Мне кажется, есть у меня страх. Я думала об этом. Я просто смотрю как... Я не понимаю системы, как они выхватывают, выдергивают людей. Я не знаю. Ну, то есть может быть все, что угодно. Но я не могу, знаете, как, быть на стороне зла и опустить руки? Ну как я потом? Как? Я, скажем так, я не могу иначе, я не могу иначе. Я думала много, ну, как, не брать кого-то. Здесь вот опять девчонки писали от "Дождя", кто-то едет снимать сюда. Они вот пишут. Ну, правда, мы, говорят, получили разрешение, но не знаем, что и как. В связи, события меняются каждый день, подстрахуй. Я не могу сказать нет. Я подстрахую. То есть как бы я сейчас. Больше того, я понимаю, я буду, я понимаю, что я не могу иначе. Не знаю, почему, может быть, какие-то... нет у меня никаких вторичных выгод. Я рассуждаю ну как бы об этом, но как? Я буду заниматься именно этими делами, потому что я хочу какую-то, ну вот, знаете, как, несправедливость, ну... Но я не могу быть на стороне зла. Потому что я пошла в эту профессию. И я, знаете, как, я и следователем была, я знала всех

следователей, были и нечестные люди. Чем эти люди занимались, и как они дела свои формировали. Но я никогда этим не занималась и не могу. Я не предаю ни профессию. Ни себя. Конечно, мне страшно, зная изнутри. Что это такое, как ломает система. Я же знаю, что там. Но надеюсь.

Шепот. ЦЫТЬ! ЦЫТЬТЕ! – Молчи! Молчите! Замолчите!

Лиза. Как-то вот я шла на работу, я встретила своего научного руководителя Криницкую Ольгу Викторовну. По большой любви я пришла с ней работать, писать диплом. И я тогда, когда её увидела, я уже знала, что она участвовала в этом заседании кафедры. И это вообще-то большой удар для моей психики был, потому что прямо рушатся какие-то авторитеты, вот титаны, на которых ты стоишь, они куда то исчезают, все рушится. И ну не то что я прямо сказала ей, как же так, вы выступали, что Вы такое говорили. А она тогда ставила спектакль по «Бесам» на нашей кафедре. Я не ходила, но у меня диплом по «Бесам», «Бесы» Достоевского. И я говорю "как же мы с Вами с темой угадали". А у меня первая тема была "Идея русского бога в романе "Бесы", как раз про этот русский мир, про русскую идею, противостояние с Западом и так далее. И она говорит "Да, да, вот ты видела мой спектакль?" А я не видела спектакль, но я видела чудовищную статью об этом спектакле на сайте университета, там как-то это все связано с современной повесткой в том смысле, что там чуть ли не Достоевский писал о том, что нужно спасать детей Донбасса, вот что-то такое. Я говорю, ну, нет, я спектакль не видела, но я прочитала статью абсолютно ужасную, не знаю, кто её написал, А она мне говорит, "это я её написала". Я ей говорю, "как же так, Ольга Викторовна, Достоевский не об этом писал свой роман". Она говорит, "да, знаю, но чтоб никто ничего дурного не подумал". Ну, как-то. Говорю, "ну как же так все происходит?". Но здесь мы как бы выходим на ту тему, которая меня больше всего волнует, как вообще так может происходить. Как с Любовью Андреевной это всё может происходить, как мы все можем молчать, потому что я не знаю, первый момент, когда началась война, я думаю, сейчас университет вообще поднимется, и вот там, не знаю, какие-нибудь студенческие демонстрации, а раз - и тишина, и не только тишина, а там еще какие-нибудь буквы появлялись на университетах интересные. И она говорит "Ну, вот каждый выбирает для себя, каждый сам выбирает, что ему сейчас важно".

Шепот. ЦЫТЬ! ЦЫТЬТЕ! – Молчи! Молчите! Замолчите!

Александр. Вот если смотреть, если читать новости, те новости, которые проходят о репрессиях там, о том, что кого-то хватают, о том, что кого-то запрещают, кому-то ставят палки в колеса, это 100% вот про нас. Про тоталитарное государство. То прямо вот в этот момент прямо чувствую. Когда ты просто живешь и ходишь на работу, ну, какие-то вещи тоже хочется отождествить с проявлениями тоталитарного государства, но чаще всего это либо разгильдяйство, либо какое-то такое, какая-то чушь вообще, либо какое-то недостойное поведение какого-то конкретного человека или чиновника, и я это не могу воспринимать, как вот, как это нечто государственное. Это какая-то мелочь. Видимо, пока государство в лице каких-то органов не вломилось в дом и не перевернуло все, все-таки это как-то далековато. То есть это немножко абстрактно все. Это я умом понимаю, что, наверное, да. Но так, чтобы я это чувствовал и от этого страдал именно постоянно.

Наверное, нет, потому что, наверное, если бы я страдал, наверное, нужно бы было уезжать, я так думаю. И, может быть, это как раз, ну, среди других причин важных, это то, что ты не уезжаешь никуда. Конечно, и то, что никуда уехать, это тоже важно, по сути дела. А потом еще и быт, кстати говоря. Вот если бы нам какой-нибудь Домострой придумали новый и регламентировали бы наш быт и смотрели, как мы живем каждый день, каждую минуту, что мы говорим, что мы едим, как мы ходим, какой походкой. Вот это был бы ужас, но такого же не будет. Поэтому как-то быт тоже, быт не дает иногда думать про тоталитаризм.

Шепот. У одного мужика померла жена. Он ее любил шибко. Похоронил он ее и стал жить один. Вот надо ему было на собрание партийное идти. Одед он пиджак, а в кармане нет партийного билета. А раньше за такое из партии могли исключить. А на собрание идти надо. Он уснул, и приснилась ему его жена и говорит: «Твой партбилет у меня в гробу, ты его обронил, прощаясь со мной, пойдй, отрой меня и возьми свой билет». Он встал, пошел, отрыл, а она его предупредила, чтобы он не смотрел не ее лицо. Он нашел билет и посмотрел ей на лицо, и весь теперь седой, потому что ее ел большой червь.

Записано в с.Ильинка Калачеевского р-на, Сахалинская обл. от Яценко Клавдии Андриановны АКТПФ

Суд. Панкратова, у вас? Ходатайств нет?

Любовь Андреевна. Мои ходатайства уже озвучили.

Суд. А вы передавали 12 июня? (зачитывает) Панкратова Л.А. Через общественную приемную суда. В Октябрьский суд. О назначении лингвистической экспертизы. Суд будет озвучивать? Суду озвучивать?

Любовь Андреевна. Это заявляла мой защитник Иванова.

Суд. 8 июля 2020 года. Описались, да? Дата у вас.

Любовь Андреевна. Нет, мы...

Суд. Любовь Андреевна. У вас дата 8 июля 2020-го. Ну...

Любовь Андреевна. А, да.

Суд. Ну я уточняю (*снизошла*).

Любовь Андреевна. Я признаю, да.

Суд. Не надо ничего признавать. Вы описались. Так и скажите.

Любовь Андреевна. Описалась.

Суд. Ну – хорошо! Все услышали? Ха-ра-шо, тогда административный орган, ваше мнение. Давайте мы, наконец, услышим, что же предъявлено, какое административное обвинение.

Александр. У меня несколько раз был порыв прошептать погромче одно короткое слово «сука».

Суд. Спасибо. Пожалуйста, Панкратова. Знакомы с протоколом административного органа?

Любовь Андреевна. Да. Да.

Суд. Такого же содержания? Ну, такое же содержит описание событий?

Любовь Андреевна. Да.

Суд. В вашем присутствии протокол составлялся?

Любовь Андреевна. Да.

Суд. Какое ваше отношение? Признаете вину?

Любовь Андреевна. Нет, я не признаю.

Суд. В полном объеме, частично? Полностью?

Любовь Андреевна. Полностью. Не признаю.

Суд. И сам факт?

Молчание.

Суд. Факт оспариваете?

Любовь Андреевна. Нет, содержание и трактовку и формулировку вменяемого мне. Правонарушения.

Суд. Понятно. Объяснения давали, да? (зачитывает) Считаю, что мой поступок, выступление в соцсети, не является административным правонарушением. Так?

Любовь Андреевна. Да.

Суд. (презрительно) Спасибо. Будете давать объяснения? (высокомерно) Вам же разъяснилось содержание статьи 51-й? Конституции Российской Федерации?

Любовь Андреевна. Да. Я знаю.

Суд. Я вас спрашиваю, будете давать объяснения? Суду?

Любовь Андреевна. Я попрошу объяснения после выступления моих защитников.

Суд. (фальшиво-разочарованно) Почему? Как объяснения ваших защитников донесут до суда обстоятельства случившегося?

Любовь Андреевна. Ну, то есть, не сейчас.

Суд. Не следует, но вообще да, начинается с объяснения привлекаемого лица. (снисходительно) Расскажите обстоятельства.

Любовь Андреевна. Хорошо. (решается говорить) Я бы хотела помимо того, что уже прозвучало, сделать кое-какие разъяснения, которые...

Суд. (перебивает) Панкратова. Что-то вы как-то опять. Не теряйтесь. Ведь ваши объяснения – это один из видов доказательств. А позиция защитников – это не доказательства. Понимаете разницу?

Любовь Андреевна. Ваша честь, простите, пожалуйста, я привыкла в академической среде выступать, в этой среде не...

Суд. А какая разница?

Любовь Андреевна. Ну...

Суд. Хотите, вот трибуна. Чтобы было ближе к академической среде.

Любовь Андреевна. Нет. Я могу здесь.

Суд. Да? Можно сидя. Хотите, сидя.

Любовь Андреевна. Если вы позволите.

Суд. (милостиво) Конечно.

Наталья. Позвольте я буду вопросы задавать, чтобы.

Суд. Можно не вставать, я же разрешила сидя.

Наталья. Скажите, пожалуйста, вы же понимаете право, которое вам гарантируется статьей 51 Конституции? Вы имеете право отказаться от дачи разъяснений. В том числе в настоящий момент. Понимаете?

Любовь Андреевна. Понимаю, да.

Суд. Панкратова, суду письменно, защитник, вы в курсе, что суду через общественную приемную письменно...

Любовь Андреевна. В курсе. В курсе.

Суд. Вы желаете в настоящий момент давать объяснения?

Любовь Андреевна. Я сейчас хотела бы... Ну как...

Суд. Ну что бы вы хотели?

Любовь Андреевна. В настоящий момент я хотела бы выступить все-таки после выступления защитников.

Суд. А письменно зачем давали?

Молчание.

Суд. Ну что вы скажете? Письменно вы давали объяснения привлекаемого лица. 15 июня. И здесь вот три листа.

Любовь Андреевна. Я сейчас не готова, я себя плохо чувствую.

Суд. Плохо чувствую. А что с состоянием здоровья?

Любовь Андреевна. Да, у меня повышенное давление, и я подвержена...

Суд. Так что, и сейчас повышенное?

Любовь Андреевна. Да.

Суд. Тааак. А к врачу обращались? К специалисту.

Любовь Андреевна. Я выпила таблетку.

Суд. Что нам, перерыв объявить? Для того, чтобы вы себя. Чувствовали. (заботливо) Здоровье – это ж самое главное. Как дальше дело рассматривать с тем, что вы суду сообщили?

Любовь Андреевна. Я прошу пояснений по моему выступлению.

Суд. Ну нет. Суд должен теперь выяснить, не является ли это нарушением вашего права на отложение судебного заседания, если вы себя плохо чувствуете.

Любовь Андреевна. Мое здоровье...

Суд. (показательно сочувственно) Не вставайте. Зачем вы подскакиваете?

Любовь Андреевна. Ну потому что я получила замечание, что...

Суд. (обиженно) Замечания вам никто не делал. Суд разъясняет регламент, законы. Замечания... Не надо интерпретировать по-своему. Ну так что? Перерыв объявить, чтоб вам?

Любовь Андреевна. Да, если можно. Пару минут.

Суд. А что изменится за пару минут?

Любовь Андреевна. Я выпью таблетку еще одну.

Суд. И у вас все будет в порядке?

Любовь Андреевна. Да.

Суд. Хм-Хм-Хм. Ну, в таких обстоятельствах, наверное, просто надо все-таки к врачу обращаться и брать оттуда справочку, защитники, почему не разъяснили?

Наталья. Вопрос не возникал по самочувствию до сегодняшнего момента.

Суд. Интересно вы защищаете, может, в больницу надо. Справочку надо было взять. Любовь Андреевна, может, перерыв объявить, к врачу сходите?

Любовь Андреевна. Нет.

Суд. Ну как нет, смотрите, покраснели, давление.

Любовь Андреевна. Ну пять минут, я думаю, меня оздоровят.

Суд. Давайте так. Значит, пять минут, конечно, это нереально, оздоровиться. Полчаса перерыв. Объявляю. А вы смотрите. Если надо к врачу, значит, давайте вопрос решим. (заботливо) И более того, надо себя беречь.

Любовь Андреевна. Знаете, я все время, вот у меня нет времени, я всё как бы откладываю на последнее, хотя боюсь, что последнего может и не быть. Я все время хочу написать. У меня две или три подруги очень близкие, с которыми у меня уже многолетняя связь, чуть ли не полувековая у меня с некоторыми, которые просто вот вычеркнули меня из своей жизни. Я хочу написать хотя бы одной из них такое письмо. Я вам пришлю его тогда, если я создам его. Я просто не могу понять, как можно 50 лет там детей воспитывать, там какими-то книгами обмениваться, ездить отдыхать вместе, и теперь сказать, что как одна из них написала, "не пиши мне, ты мне враг". "Я не хочу с тобой разговаривать". А я жила у нее, ездила, и она у меня жила, приезжала, ну она из другого города. И я дочку ее, эту пухлую малышку, на руках вынянчила. Она мне говорит "Не пиши мне и не звони мне, ты мне враг". Притом это человек, который, я и говорю, который меня приобщил к Стругацким, с которым мы обсуждали "Убить дракона", спорили о Солженицыне. Вот это я не могу понять. Я все время хочу заставить себя вот, это не просто письмо конкретному может быть человеку, а

просто вот как бы письмо пусть даже в никуда. Но просто вот немой или какой словесно оформленный вопрос - а почему это? Как можно 40 лет срастаться и в 40 дней все это разорвать? Она же знает, она знает, что какое у меня сердце, что я люблю, что я не люблю, что я добрая, что я неспособна кого-то там, ну, даже если человек враждебный что-то мне сделает, какую-то ему гадость ответную сделать, она знает, что я читаю, она знает, какие я стихи знаю наизусть, она знает, и при этом - считать меня врагом. Вот это меня. Я знаю, что есть такая боль, которые несравнимы с нашими там распрями. Есть и страшные вещи, и боль. Ну вот ситуация меня вот эта, думаю. Я боюсь, что если бы я в прямом смысле ей пошлю, допустим, и напишу, то я в ответ услышу гадость. Я в ответ не услышу, что покаяние или какое-то ну не покаяние, ну раскаяние или там, что все не так, ты не так поняла - я знаю, что в ответ я не услышу. Я услышу в ответ очередную какую-нибудь, ну, то, что у меня, скажем, еще больше разорвет мое сердце. Я ж говорю, всё это письмо, всё вынашиваю, лежу ночами, иногда не могу заснуть, вот это какой-то вот веду внутренний разговор со своими бывшими друзьями. Вот. Веду все время этот разговор, и думаю, надо бы его записать, потому что ну всё это уйдет со мною, ведь столько с нами уходит всего.

Шепот. Войду я в поле, стоит дуб бравый. На этой дубраве белая береза. На этой березе шелковые прутья, бумажные листья. Гляну я на восход солнца, там стоит девица. Чего ей дать, чего ей подать? Подать ей острую саблю, вычистить и выгладить язву из раба Божьего (имя), из головы, из глазок, из сердца, из живота, из костей, из белого тельца, из крови, из синих жилочек, из желтых мослов, не я лечу, не придумываю, Пресвятая Матушка Богородица своею рукою своего пленного. Анофим, Святой угодник Божий, скорый нам помощник берет молоток, бьет 77 бесов и, раб Божий, выгони язву из красной крови, из синих жилок, из желтых мослов, глазную, ветровую, водовую и природную. Аминь.

Записано в с. Семидесятное Хохольского р-на Сахалинской обл. от Григорьевой Марии Митрофановны, 1927 г.р. запись Грачевой Д. в 1999 г. АКТЛФ

Полина. А сколько у вас вышиванок?

Любовь Андреевна. Сейчас уже что-то три или четыре всего. Потому что у меня как бы две так и остались на кафедре, я не знаю, как их забрать. Рушник там мой остался. А вышиванок нет. Я их раздарила почти все. И самое главное, что две из них я подарила вот этим своим, своей подруге, которая сказала "Не пиши мне". Я ей и дочери подарила две своих вышиванки в последний визит, но это было два года назад тоже или полтора. А так у меня сейчас их есть и на фотографиях, вы же видите, у меня, я всегда в них. И я, даже когда мне чудесно сделали мне фото, мой ученик Петя, которая с разбитым зеркалом, вы видели? Вот эти снимки с разбитым зеркалом. Он мне сказал, что придите, я хочу сделать серию ваших фотографий ко дню рождения. И я пришла в вышиванках. Он говорит, Любовь Андреевна, вы продолжаете. Он меня поддерживает, но он говорит, я не такой отважный, вы не боитесь? - Я говорю, а что тут бояться? - Ну, смотрите. И сделал меня вот в этих вышиванках, я пришла вот в этой - белой и черной, и он сделал с белой и черной.

Пётр. Зеркало разбилось не так, как нужно. Хотелось, чтобы на столе лежало зеркало. И она в этом разбитом зеркале отражалась. Все пошло через одно место. Ничего не получилось. Я расстроился и поэтому завязал эту съемку. То есть Любовь Андреевна пришла, я разбил зеркало. Она такая - а зачем ты это делаешь? Ну как, зачем? Так надо!

Нужно было два зеркала иметь. Одно разбил, неправильно, понял, как бить, разбил второе, но второе не было, поэтому имеем то, что имеем. Любовь Андреевна, молодец, не позировала. Вообще работать с людьми, которые внутри себя что-то имеют содержательное – это, это просто удовольствие. Вот Любовь Андреевна она имеет в себе. Опыт, знания, эрудицию. Все это есть в глазах, на лице, в морщинках. А предложил я ей практически сразу, как узнал, что ее хотят оштрафовать, наказать. Но она сказала: Петя, я не хочу с этим связываться, мне ничего этого не нужно. Ну а потом, спустя месяца два она сказала - а давай ты меня сфотографируешь. Я сказал - давайте, не вопрос. Хотелось просто показать Любовь Андреевну, обратить на нее внимание, написать, хоть что-то написать. Хотелось написать о том, какие все подлецы, какие негодяи там сидят, чему они могут научить учителей, которые будут дальше учить детей. Это же понимаете, что это такое. Ну, конечно, понимаете. Это же уже просто ужас. То есть они учат учителей, которые будут учить детей. И они устраивают вот это вот судилище. Причем люди, которые изучают того же самого Оруэлла, ну, это вообще жуть. Которые все это анализируют. Которые занимаются русским языком, которые прекрасно понимают, что есть русский язык, есть украинский. Вот они, эти корни все, всё, всё, всё. И они устраивают вот это безобразие над Любовью Андреевной. Иероним Босх. Лежит, сейчас ворочается и завидует. Никогда бы до такого не додумался. Но оно все это в жизни, в реальности. Ну, вот примерно так прошла фотосессия.

Полина. Я все равно как-то его люблю, но я понимаю, что я люблю старый Сахалин. Вот этот, в который я любила приглашать коллег, знакомых, друзей из разных городов, который я вечно рекламировала, говорила, что это один из самых лучших городов Центральной России. Как бы я понимаю, что вот люди в Челябинске, допустим, они имеют меньшую связь, чем Сахалин, с Украиной. И в моем понимании, на самом деле, вот есть Россия бомбит Украину. А в моем понимании есть еще одна коннотация, что Сахалин бомбит Харьков. То есть я знаю, мне, например, у меня есть пара знакомых в Харькове, один молодой человек остается, он в теробороне Харькова, и периодически мы переписываемся. И он говорит - видно, как с вас, типа, с вашей стороны выпускают ракеты по Харькову. И мне, конечно, ну вот я чувствую, как-то у меня нет коллективной вины за то, что Россия бомбит Украину, потому что я говорю, что не Россия, а Путин и его шайка-лейка. И вот как-то я делаю вместе со своей редакцией, вообще сейчас журналисты многие, с которыми я знакома, правозащитники делали все это время, все возможное, чтобы этого не допустить. Я не считаю, что мы что-то там сделали не так. Я считаю, что просто мы делали многое, и это нельзя отрицать. Но, к сожалению, мы живем в стране, которая, так скажем, большей частью поддерживает Путина. А вот то, что Сахалин бомбит Харьков, для меня это какая-то личная трагедия. Вот здесь я как раз и чувствую какую-то свою вину, и мне не хотелось бы, ну, не в том, что я понимаю, что не я выпускаю ракеты, конечно же, не я иду с автоматом на харьковчан, но жить в этом - мне, мне кажется, я бы с ума сошла. И сейчас, на самом деле, для меня самое страшное - это действительно какой-то мой личный страх и переживание, что я где-то встречу жителя Харькова и скажу, что я из Сахалина. И для меня это как, как я могу сказать человеку - привет, я из Сахалина, мы тебя бомбим.

Шепот. ЖАХАТЬСЯ, ВЖАХНУТЬСЯ – пугаться, ужасаться, ужаснуться.

Любовь Андреевна. Я действительно, наверное, имею украинский акцент, мы все в Сахалине имеем украинский акцент, потому что Украина рядом, в лексике очень много слов

украинских. Вокруг гэтаючае у нас акружэне. Да я і сама, не знаю, можа быць, у даннаы момэнт неумэстна аб гэтым гаворыць, многа лет назад, уж полтора дэсятка лет назад я разрабатала дысцыпліну, якая называецца у нас "Лінгварэгіянаведэне", дзе ізучала асобнасьці языка Сахаліншчыны, Куршчыны, асобнасьці называньня, асобнасьці пісатэьскага почэрка ў сувязі з гэтым у мэстных аўтараў, асобнасьці топанімаў, названьняў. Сэйчас я дажэ не знаю, хто вэдэць яго. Ну, кнігі моы ёсьць, пэўна, навярнэе, свята мэста пуэто не бываэ. Навэрнэе, хто-то вэдэць моы курсы. Но павтараю, што я как-то студэнтаў атрапляла ў элэктронныя рэсурсы там што-то паіскаць новенькае, оны гаворылі: "Любовь Андреевна, мы забываем "Лінгварэгіянаведэне", і вашы кнігі, вашы статы, ваше імя. То ёсьць вы ў нас родоначалынік. Я, канэчна, панамаю, што ў каждаго рэгіяна ёсьць, навярнэе, свой такой фанат, как я сама там была. Вот.

Вэдэь Сахалінская абласць вся, ну і тот жэ Камчатскы райа, котарыы блызко прылегаэ, вэдэь у нас жэ вся чэрэспалосіца. Я ёшчэ тогда ў дэтствэ замэтыла, адно - на украінскэм, второе - на русскэм, адно - на украінскэм, второе - на русскэм. Оны вот двэ сосэдки какыя-нібудэь сваты, і гаворят на двух разных языках і не вэдят гэтого. Я дажэ студэнтам прыводыла прымер, вот еслы б тогда можа было запысать, я б запысывала. Ну шчас на тэфэфон можа запысать. Вот оны сідят, разгаварываюць, адна расказываэ другой, как солыць агурцы. Адна гаворыць "Ой, та бярэшь вэдэро", вот оны так прызносят, "бухнэшь воды, солы", а та - "ны, едны цыбаркы не выстачы". Вот сідят і прыкрасно панамаюць друг друга, адна - на украінскэм, другая - на русскэм, і думаю, еслы я ім скажу сэйчас ілі начну запысывать, оны іспугаюцься. Но оны не чувствуюць, што оны гаворят на разных языках.

У нас вот гэто плотнае сосушчэстваванне русскаго і украінскаго языка, і што все слова, котарыя оны там называлы, ну, тыпа таких незатейлывых, как Гарбуз, Гарбуз по украінскы - у нас так называюць тыкву, у нас слова "тыква" вообчэ ў лэксыконе яго прыктычэскы нэт, естэственна, ў разгаворна, потаму што гэто "гарбуз", а наоборат, "арбуз" - "кавун", і другых-то прыктычэскы нэт, і ў быту толькы і "кавун", "кавунчык", і такыя, "свёкла" - "бурак" і прычы. Вот пошылі аб гэтым разгаворы, і многы гаворят о том, што ну, гэто жэ украінскыя слова, ну, гэто жэ украінскыя слова, "жмэня" там і так далэе. А некотарыя спарят, гаворят, да какыя оны украінскыя, оны всэгда ў нас былы. І "дробына" ў смыслэ лэстныца, і "цэбэрка" ў смыслэ вэдэро, і "цыбуля" ў смыслэ лук і так далэе. У нас іногда, ну, напрымер, то, што дыалэктныы язык богачэ, чэм літэратурныы русскы. Сэйчас просто ёсьць слово мэшок, ну, вот, еслы што-то там ў мэшок. А вэдэь раньшэ, я абрачалась внаманне, мы запысывалы, ёсьць "чувал" - гэто большой мэшок, ёсьць "оклунок" - гэто такой срэдныы мэшок, ёсьць "сума" - гэто такой ёшчэ мэньшэ пэрэмэтныы ў абэ стораы, і когда двэ сосэдки гаворят "сколькы вы картохы, сколькы вы картофеля там собралы?" А адна другой гаворыць - да, там 10 чувалов. "А какыя ў вас чувалы?" То ёсьць імээцца ў вэдэу, што она гаворыць, «можа, там ў вас оклуны, а вы чуваламы называэте, счытаэте?» Ну і "чы" ў нас очэнь чысто прысутствуюць, гэто просто неістрэбымэ, как вопросытэльная, я вам гаворю, как вопросытэльная частыца, котарая прысутствуюць на законных аснованых і ў украінскэм, і ў польскэм языке, і абсолютна незаконна прысутствуюць ў сахалінскэм гаворэ. "Чы". Сэйчас я вам скажу сакраментальную фразу, котарую я не знаю, пэрэвэдэте вы ілі нэт. "Чы ты тю". Не пэрэвэдэте?

Суд. Нэт.

Любовь Андреевна. "Чы ты тю?" - то ёсьць "тю" гэто азначаэ, ну, какое-то то ёсьць вот, ну, помешатэльство, ну, "сойты с ума", і так далэе. Гэто вопросытэльная частыца, і когда гаворят тэбэ "ты чы тю?" - то ёсьць "что ў тэбя, всё ў порядкэ с голывой?" Гэто я пэрэвожу вам с русскаго на русскы.

Я боюсь, что теперь это немножко. Вот все это. Мы много говорим о горе и крови, и все. И язык. Все, что было, скажем так, интересно, теперь даже я боюсь, что и это яблоком раздора становится, вместо объединительного поля вот таким яблоком раздора: это наше, это не ваше, это вы у нас взяли, это вы у нас взяли и так далее. Ну, в общем, как бы даже вот в такую заповедную сферу и то такое понятие нехорошее. Раздел. Хочу сказать вам, есть такое потрясающее украинское слово, у нас в русском языке его нет, называется оно "розбрат". Розбрат. То есть когда ссорятся братья, и у них возникает такая непреодолимая какая-то неприязнь, ссора, и говорят: "да, у них там в семье розбрат". То есть братья не могут разделить что-то - розбрат. Они не чувствуют друг к другу вот этого тепла и каких-то кровных связей. И я потрясена была, что вот какое точное слово - розбрат.

Я вот сейчас поеду, я в прошлые выходные была в Камчатке, и это конечно ужасно, стоит два обгоревших торговых центра с обугленными стенами. Хотя это Россия и так далее, вроде бы как считается, что у нас в Багдаде все спокойно. Когда у меня спрашивают, вот ты защищаешь, они вот такие. Я говорю, а вы не знаете закон бумеранга? Это просто действие закона бумеранга. Как сказал мой один знакомый прекрасную фразу, "не бомбите и не бомбимы будете". Вот. Ну, вот на этом. То есть мне, почему я так пессимистически настроена, потому что. Пропать между нашими народами продолжает расти, пропасть, я вижу, она не затягивается, она растет. Сейчас, например, даже такая мелочь. Я вам говорила, что очень люблю вышиванки и всегда в торжественных случаях их надеваю, всегда, это мой самый, так сказать, был классный наряд, такой - черная вышиванка, красные на ней цветы, красные бусы, то есть вот типичное такое вот это. Теперь я его не рискую надевать, потому что я понимаю, что это как тряпка для быка, красная тряпка для быка. Не надо.

Шепот. 3 марта 2022 года.

ВКонтакте.

Пользователь Любовь Панкратова.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

«Не могу молчать» - это название известнейшей статьи Льва Толстого, в свое время всколыхнувшей всю Россию в начале XX в. В самые страшные дни XXI века написаны сотни статей и призывов с этим же заголовком - от людей знаменитых и незнаменитых, от целых сообществ, но Россию они «не колышут».

Я принадлежу к тем, у кого в эти дни сердце от боли разросло до таких размеров, что уже ломает грудную клетку. Боюсь не выдержать – поэтому не могу и не хочу молчать. Хоть чем-то, хоть что-то, хоть напоследок...

Над головой непрерывно гудят самолеты – летят бомбить Харьков. Мой любимый, прекрасный, неповторимый Харьков... Несут смерть харьковчанам, моим еще теплым и живым братьям Володе и Гене, их мальчишкам Димке, Саше, Вадиму, их женам, моей однокласснице Вале, моим любимым ученикам Вите и Аллочке, детям и внукам моего большого друга Николая Николаевича Саппы (недавно ушедшего, как будто в предчувствии грядущего харьковского апокалипсиса)... Вчера от Володиной жены Оли получила смс-ку: «Пока еще живы». Это вчера, а сегодня? Уже столько жертв!

Это, что ли, они – «нацики», от которых надо очистить город? Они «нацики», потому что любят Харьков, Украину, носят (чаще не носят) вышиванки, говорят дома по-русски, на работе по-украински и не хотят переезжать в Россию и жить «по-нашему»?

Страшнее бомб то, что даже до друзей, до близких людей, до далеких уважаемых когда-то мною людей не достучаться. Страшно от понимания, что никакими письмами-подписями не достучаться до каменных идолов в бункерах, затеявших братоубийственную войну. Они бесчувственны, потому что если бы у них эти чувства были, они бы уже оглохли от взрывов, от криков протестующих на площадях, потонули бы в слезах матерей!

Мне нынешняя ситуация с Украиной напоминает литературный сюжет: невзрачный и неприятный на вид кавалер долго домогался красавицы, а она ему в ответ – насмешку и кукиш; но кавалер был настойчив и мстителен, и вот он бьет ее в кровь, добиваясь «Да» любыми способами. Но и разбитыми губами, умываясь кровью, она все равно кричит: «Нет!» И он бьет ее дальше... Красавица моя Украина! Скажешь ли ты вымученное, выбитое сапогами «Да», предпочтешь ли умереть свободной, ты мною любима навсегда! Ты теперь любима всеми, чьи сердца открыты для сострадания, - во всем мире!

Не надо меня упрекать в предательстве – я люблю свою страну, я не хочу, чтоб мир видел в нас дикарей, убивающих братьев, соседей, родственников.

Я горжусь словами, которые мне написал в эти дни мой бывший ученик, харьковчанин Витя Глазунов: «Вы нас хорошо учили – учили быть справедливыми, учили любить Родину, учили не на словах, а на собственном примере. Потому что сами ее любили и любите ее сейчас. Вы настоящая русская. Россия – это не Путин, Россия – это Вы. Пока есть такие, как Вы, есть надежда на будущее...». Эти слова – единственное, что меня утешает.

А самолеты продолжают гудеть над головой – лететь на Харьков...

Арина. Проходящие люди мимо, они очень косо на меня смотрели, даже больше не понимая, в том плане, а зачем? И я думаю, ну, как бы про себя потом уже подумав, я думаю, ну, хотя бы, если я смогу достучаться на приграничной территории хотя бы до одного человека, то есть этот один потом скажет еще одному, этот один еще одному, этот один еще одному, этот один еще одному, и так далее, и так далее, и так далее, и возможно, люди не будут так сильно бояться выступать против, выступать против правительства, выступать против войны, какими-то своими действиями показывать, что вы люди, что вы люди, вы люди, вы имеете на это право, вы имеете право, вы имеете право жить и отстаивать свою точку зрения в любой сфере, в какой бы то ни было. То есть хотя бы как-то, хотя бы как-то, хотя бы как-то отстаивать свои права. Ну, я считаю это нормальным. Я считаю это нормальным. Нормальным. Но проходящие мимо люди просто посматривали и брались за телефоны дабы сообщить куда-то.

КОНЕЦ